

DOI: 10.31857/S013038640010324-4

© 2020 г. Н. Ю. ВАСИЛЬЕВА

ОБРАЗ ЛИГИ НАЦИЙ В ДИСКУРСЕ РУССКОЙ ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ НАЧАЛА 1920-х годов

Васильева Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института международных отношений МИИД России (Москва, Россия).
E-mail: natalia_vasilieva@rambler.ru

Аннотация. В настоящей статье предпринимается попытка на основании анализа некоторых архивных документов, а также дневникового, публицистического и мемуарного наследия Русского Зарубежья 1920-х годов рассмотреть образ Лиги Наций, сложившийся в дискурсе его представителей в наиболее трудный для них период психологической и социально-бытовой адаптации на чужбине. С 1921 г. ключевая роль в урегулировании важнейших проблем существования этих людей вне родного государства, включая определение будущего правового статуса россиян-апатридов, стала принадлежать первой международной организации безопасности и ее Верховному комиссариату по делам русских беженцев во главе с Ф. Нансеном. Сами эмигранты могли принимать лишь опосредованное участие в данной работе, что, разумеется, не могло не отразиться на их общем отношении к Лиге Наций. С одной стороны, они отдавали должное личному бескорыстию и выдающейся энергии Нансена, но с другой — не скрывали своего разочарования в связи с его сотрудничеством с властями Советского государства в деле организации срочной помощи жертвам голода в России. Кроме того, многие деятели Русского Зарубежья считали ошибочным мнение этого человека о репатриации как о наиболее эффективном решении проблемы беженцев, а также сетовали на то, что в повестке Лиги т.н. «русский вопрос» изначально не имел первостепенного значения. Однако, несмотря на достаточно критическое отношение эмигрантов в начале 1920-х годов к отдельным аспектам функционирования исторической предшественницы ООН в целом и ее специализированного учреждения по беженским делам в частности, большинство из них искренне полагали, что без вмешательства Лиги Наций в судьбу Зарубежной России спасение последней не представлялось возможным.

Ключевые слова: Лига Наций, пореволюционная русская эмиграция, Зарубежная Россия, русские беженцы, Верховный комиссариат по делам русских беженцев.

N. Y. Vasilieva

Image of the League of Nations in the Discourse of Russian Post-Revolutionary Emigration in the Early 1920s

Natalia Vasilieva, Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia).
E-mail: natalia_vasilieva@rambler.ru

Abstract. This article attempts to analyze some archival documents, as well as the diary, journalistic and memoir heritage of the Russian Abroad of the 1920s to consider the image of the League of Nations, which was formed in the discourse of its representatives during the most

difficult period of psychological and social adaptation in a foreign country. Since 1921 this very first international security organization and its High Commission for Russian refugees led by F. Nansen played the key role in settling of essential problems of these people outside their native land, including determination of a future legal status of Russian stateless people. Though, emigrants themselves could participate in this work only indirectly that certainly could not but affect their general attitude to the League of Nations. On the one hand, they paid tribute to Nansen for his selflessness and outstanding energy, but on the other hand – these people did not hide their disappointment at his simultaneous cooperation with the Soviet authorities in organizing emergency relief to famine victims in Russia. Besides that, many representatives of the Russian Diaspora also considered Nansen's view of repatriation as the most effective solution to the refugee problem to be erroneous, they also complained that the so-called "Russian question" was not of primary importance in the League's agenda from the very beginning. Yet, despite the fairly critical attitude of emigrants to certain aspects of the functioning of the historical predecessor of the UN, in general, and its special office for refugees, in particular, in the early 1920s, most of them sincerely believed that without the intervention of the League of Nations in the fate of the Russian Diaspora, the salvation of the latter was impossible.

Keywords: the League of Nations, Russian post-revolutionary emigration, Russia Abroad, Russian refugees, the High Commission for Russian refugees

В 2019 г. исполнилось ровно 100 лет с момента рождения на свет Лиги Наций – самой ранней универсальной организации безопасности, превратившейся впоследствии в главную политическую опору существовавшей в межвоенную эпоху Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Создание предшественницы ООН было во многом связано с желанием мирового сообщества избежать повторения в будущем трагических событий Великой войны 1914–1918 гг., которые оставили неизгладимый след в судьбе многих государств и прежде всего России. Октябрьская революция 1917 г. и приход к власти большевиков, а также последовавшее за ними противостояние внутри российского общества явились прямым результатом этого глобального вооруженного конфликта. Вместе с тем Гражданская война спровоцировала исход из России около двух миллионов ее граждан¹, не сумевших или не пожелавших адаптироваться к реалиям советской действительности. Годы спустя многие отечественные и зарубежные исследователи назовут этот миграционный поток «первой массовой (в течение долгого времени и самой массовой) политической эмиграцией XX в.»², а также прологом к созданию так называемой Зарубежной России или Русского Зарубежья – уникального явления отечественной и мировой истории прошлого столетия, которое позволило его представителям сохранить за пределами Отечества язык, культуру, веру, обычаи и даже общественные учреждения родного государства.

С 1921 г. ведущую роль в решении важнейших проблем вынужденных изгнанников из России, остро нуждавшихся в правовой и материальной поддержке со стороны международного сообщества, стала играть именно Лига Наций, чьи усилия по урегулированию вопроса беженцев в целом оказались достаточно успешными, особенно на фоне ее последующих крупных неудач в политической сфере. В связи с этим в настоящей статье будет предпринята попытка на основании анализа различных источников Русского Зарубежья рассмотреть образ первой всемирной организации безопасности, который сложился в дискурсе

¹ Советские источники чаще всего определяли численность первой волны пореволюционной эмиграции из России в пределах от 1,5 до 2 млн человек. В то время как сами эмигранты обычно оценивали масштабы Русского Зарубежья 2–3,5 млн человек.

² *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005, с. 170.

пореволюционных эмигрантов в начальный период их психологической и социально-бытовой адаптации на чужбине.

Теоретическую основу данного исследования составили ключевые для российской исторической науки принципы историзма, объективности и всесторонности изучения объекта, тем более что на базе этих же принципов выполнено большинство отечественных работ, посвященных как судьбе самой Лиги Наций, так и различным аспектам существования Зарубежной России в 20 – 40-е годы прошлого века. В то же время автором статьи использовались некоторые другие востребованные в современной историографии методики научного анализа, включая историко-сравнительный и историко-типологический подходы.

Хорошо известно, что отличительной особенностью первых лет существования пореволюционных эмигрантов вне России являлись их нищета и бесправие. В крайне бедственном, а порой и вовсе отчаянном положении находились тогда не только покинувшие родину рядовые чины т.н. белого воинства, но и многие представители прежней российской элиты, вынужденные зарабатывать себе на кусок хлеба тяжким, не соответствующим их изначальному статусу и общественному положению трудом. Вот как охарактеризовала, например, свою жизнь в эмиграции в 1920-е годы княгиня С. А. Волконская: «Европа, большие надежды, еще большие разочарования... Собственная глупость, чужая недобросовестность... Деньги, разорение, нищета... Преподавание гимнастики, ухаживание за больными в Ницце, кинематографические съемки в роли статиста, чтение вслух слепому банкиру, экзамен на шофера такси в Париже... И тоска, тоска бесконечная»³.

Вместе с тем, покинув родное государство, русские эмигранты попали в категорию иностранцев с наименее определенным правовым статусом. Удостоверения личности, с которыми они выезжали за рубеж, включая паспорта подданных бывшей Российской империи, а также различные идентификационные документы периода Гражданской войны, в других странах чаще всего признавались недействительными. Поэтому, как лица без гражданства, беженцы из России были лишены на чужбине какой-либо государственной и юридической защиты.

Свое фактическое бесправие эти россияне остро ощущали даже в тех славянских государствах, где отношение к ним со стороны местных властей и простого населения с самого начала являлось наиболее гостеприимным. Однако в еще более затруднительном положении находились выходцы из России, оказавшиеся в силу различных жизненных обстоятельств на территории государств-лимитрофов – Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии и Польши. В бывших западных национальных окраинах Российской империи, пореволюционным эмигрантам нередко приходилось сталкиваться с открытым проявлением шовинистических и русофобских настроений со стороны представителей титульных наций. Тем более что после заключения прибалтийскими государствами – Финляндией и Польшей – в 1920–1921 гг. официального мира с РСФСР, местные власти, желавшие избежать лишних трудностей в отношениях с большевистским режимом, взяли курс на административно-правовое «выдавливание» этой многочисленной категории беженцев. «Наибольшее количество русских находится на Балканах, в Германии, во Франции, в Польше и в Прибалтике. Хуже всего в правовом отношении этим последним, – писал в 1921 г. видный русский историк-эмигрант С. С. Ольденбург. – Боязнь большевизма, близкое соседство которого, несмотря на “мирные договоры” не может не беспокоить, соединяется с некоторым чувством мстительности в отношении народности, ранее господствовавшей. Поэтому русские колонии в окраинных государствах – наиболее запуганные, “затурканные”, живущие под вечным страхом

³ Волконская С. А. Горе побежденным. *Vae victis*. Воспоминания. М., 2017, с. 140.

высылки (иногда, как бывало в Эстонии, прямо в Совдепию) и наименее способные, по внешним условиям, к самоорганизации и самодеятельности»⁴.

Другими словами, общим для всех эмигрантов из России было болезненное чувство утраты статуса представителя великой державы, которая еще совсем недавно играла одну из ведущих ролей в мировой политике. При этом даже в культурно и исторически близких россиянам государствах Балканского полуострова правящие круги и рядовые граждане в основном смотрели на них как на жалких «избеглищев» (беженцев). Неслучайно, в середине 1921 г. выходявший тогда в Софии под редакцией П. Б. Струве эмигрантский литературно-политический журнал «Русская мысль» определил отношение международного сообщества к своим соотечественникам на чужбине следующим образом: «С презрительной улыбочкой жалости смотрит Европа на печальные останки бывлой России, раскиданные по всему цивилизованному свету. Мы — сор, выметенный из России беспощадной метлой революции, обреченный на безнациональное прозябание. В лучшем случае мы кадры будущей реставрации, жадно ждущие момента, когда, зацепившись за какого-нибудь доморощенного «Бурбона», мы сможем во главе карательных отрядов вернуться на свои насиженные места. В современной политической обстановке нам нет места — мы лишь объект вынужденной благотворительности. Россия сама решает свои внутренние дела — она выбрала Ленина; горе побежденным»⁵.

Эмигранты из России, как беженцы, получали некоторую финансовую и другую помощь от тех государств, которые согласились их в тот период у себя принять. Кроме того, активное участие в решении наиболее острых материальных проблем этих людей принимали Международный Комитет Красного Креста (МККК), включая его отдельные национальные подразделения (особенно американское, датское и шведское), и крупнейшая в США частная благотворительная организация Американская организация помощи (АРА) во главе с будущим президентом этой страны Г. Гувером. Да и созданные самой эмиграцией на рубеже 1910 — 1920-х годов многочисленные комитеты и общества взаимопомощи также поначалу играли достаточно заметную роль в деле оказания помощи собственным соотечественникам за рубежом. Однако объемы и формы такой поддержки не могли удовлетворить все чаяния россиян-апатридов, лишенных в большинстве своем не только средств к существованию, но и нуждавшихся в правовой защите со стороны международного сообщества. Именно поэтому с появлением в мировой политике Лиги Наций основные надежды последних на улучшение собственного материального и юридического положения оказались связанными с этой организацией, в стенах которой, по мнению многих эмигрантов, и должна была определиться дальнейшая судьба всей «Зарубежной России», зарождавшейся в тот период за пределами Страны Советов.

Правда, по признанию многих деятелей пореволюционной эмиграции, Лига Наций далеко не сразу осознала необходимость собственного вмешательства в решение их насущных проблем. Несмотря на то, что создание первой международной организации безопасности фактически совпало с началом массового исхода из России людей, не принявших большевизм, тема беженцев возникла в ее повестке лишь после фактического окончания Гражданской войны. И, по мнению самих эмигрантов, подобная «медлительность» Лиги свидетельствовала о малозначительности всего «русского вопроса» в глазах политической элиты

⁴ *Ольденбург С. С.* Русские дела (политический обзор) // *Русская мысль*, 1921, № 5–7, с. 235–236.

⁵ *Зайцев К. И.* Буржуазная Европа и Советская Россия // Там же, с. 115.

Версальской Европы. «В прошлогодней сессии Лиги Наций о России и о русских совсем не говорили, точно их не было на свете, — с горечью констатировала в сентябре 1921 г. эмигрантская газета “Руль”. — И когда какой-нибудь делегат намекал на Россию, не называя ее по имени, как на одно из государств, еще не принятых в Л.Н., то это было целым событием. Так мало говорили о всем русском, что когда стали обсуждать принятие в Лигу лимитрофных стран, Эстонии, Латвии, Литвы, расставшихся с Россией, то мы, русские, следившие за дебатами в зале “Реформации”, чувствовали радость, точно и нам от этого была какая-то честь»⁶.

Пристальное внимание на проблему русских беженцев Лига Наций обратила только в 1921 г., когда международному сообществу пришлось вплотную заняться решением вопроса о дальнейшей судьбе врангелевской армии, эвакуированной в ноябре 1920 г. из Крыма⁷. Изначально предполагалось, что все расходы по пребыванию остатков белого воинства в специально оборудованных для них лагерях в Турции (в Галлиполи и в Чаталадже близ Константинополя), а также на греческом о. Лемнос возьмут на себя власти Франции — единственной державы Антанты, признавшей из тактических соображений на завершающем этапе Гражданской войны правительство Юга России и гарантировавшей последнему материальное обеспечение врангелевцев за рубежом. Однако реализация этих гарантий без какой-либо ощутимой поддержки со стороны других союзных государств сразу же превратилось для французского правительства в финансовую и политическую обузу, от которой оно стремилось быстрее избавиться. К тому же, с точки зрения тогдашнего главы этого правительства А. Бриана, дальнейшее пребывание врангелевцев на иностранной территории было «недопустимо по соображениям международного права»⁸. Поэтому, он считал необходимым распустить возглавляемую П. Н. Врангелем армию, чтобы рассеять «опасения некоторых держав», готовых, по его словам, участвовать в оказании помощи беженцам, «если речь будет идти о поддержке частных лиц»⁹.

В марте 1921 г. французские оккупационные власти в Константинополе официально объявили о намерении своего правительства прекратить в скором времени финансовую помощь русским военным соединениям в Турции. Исходя из этого, крымским беженцам было предложено «выбрать одно из трех следующих положений: 1. Возвратиться в Советскую Россию; 2. Выехать в Бразилию¹⁰; 3. Самим обеспечить свое содержание»¹¹. В противном случае, французская сторона обещала снять с себя всю ответственность за дальнейшую судьбу этих людей, хотя и продолжала еще в течение нескольких месяцев снабжать их питанием.

Столь радикальные планы властей Франции в отношении остатков врангелевской армии вызвали «глубокое возмущение» в среде русской эмиграции¹². Ибо их

⁶ Руль, 25.IX.1921 // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 3. Д. 513. Л. 43.

⁷ Согласно данным, фигурирующим в различных отечественных и зарубежных источниках, в начале ноября 1920 г. из нескольких портов Крыма — Ялты, Евпатории, Керчи — к турецким берегам на 126 судах отправилось в общей сложности от 135 до 150 тыс. военных и гражданских беженцев. При этом с учетом эвакуированных ранее из Новороссийска общая численность диаспоры беженцев в Турции в начале 1921 г. составляла около 200 тыс. человек.

⁸ Руль, 4.IV.1921 // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 502. Л. 26.

⁹ Там же.

¹⁰ Согласно заявлениям самих французов, власти Бразилии были согласны разместить на своей территории около 20 тыс. трудоспособных русских беженцев.

¹¹ Крюков П. И. Казаки в Чаталадже и на Лемносе в 1920–1921 гг. Белград, 1924, с. 83.

¹² Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923, с. 59.

реализация могла привести к еще большему осложнению и без того незавидного положения этой категории беженцев. «Ехать туда (в Бразилию. — Н. В.), за океан, значило обречь себя на долю белого раба, без сколько-нибудь реальной надежды возвращения на Родину, причем, что особенно пугало казаков, французы оговаривались, что возвращение на Родину может быть “только за собственный счет эмигранта”, — вспоминал позднее бывший казачий офицер из числа врангелевцев П. И. Крюков — Перейти на собственное иждивение также никто не мог за отсутствием каких-либо средств и, естественно, оставался последний выход — Советская Россия, но ехать туда — значило для многих ехать на верную смерть в застенках чрезвычайки или от голода и тяжелых принудительных работ в концентрационных лагерях»¹³.

К тому же обнарудование французами упомянутых выше планов практически совпало по времени с подписанием в Лондоне 16 марта 1921 г. советско-британского торгового соглашения, означавшего для большевиков фактическое признание их режима со стороны Великобритании. И многие деятели Русского Зарубежья в этой связи справедливо опасались, что отказ официального Парижа от дальнейшей поддержки крымских беженцев мог стать первым шагом к скорой нормализации его отношений с правительством В. И. Ленина.

Отмечая крайне опасный характер сложившейся вокруг крымских беженцев ситуации, многие политические и общественные деятели Зарубежной России весной 1921 г. неоднократно обращались к кабинету А. Бриана, призывая его рассмотреть этот вопрос «исключительно с гуманитарной точки зрения, спасения жизни десятков тысяч людей»¹⁴. В то же время они выражали надежду на то, что «и другие великие державы примут участие в общем деле помощи» и что «французское правительство возьмет на себя инициативу обращения к другим народам и правительствам в смысле оказания помощи эвакуированным из Крыма»¹⁵.

С призывом к международному сообществу о срочном вмешательстве в судьбу остатков своей армии за границей обратился тогда и сам П. Н. Врангель. В конце марта 1921 г. он направил руководству Лиги Наций личное послание, в котором объяснял необходимость такого вмешательства не только важностью «продолжения борьбы с умирающим большевизмом», но и потребностью «сохранения той общественной силы, в которой Россия испытывает острую нужду в день, когда большевизм рухнет и его неминуемо сменит эра хаоса и полной анархии»¹⁶. При этом, считая неприемлемыми предложения французских властей по урегулированию проблемы крымских беженцев, П. Н. Врангель, в свою очередь, выступал за рассредоточение подчиненных ему воинских частей между дружественными балканскими государствами — Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия), Болгарией и Грецией, а также Венгрией, согласившейся приютить на своей территории несколько тысяч русских воинов.

Участия Лиги Наций в определении будущего статуса многочисленных беженцев из Крыма настойчиво добивались и многие другие видные деятели Зарубежной России, искренне полагавшие, что первая универсальная организация безопасности «на этом деле сможет доказать свою жизнеспособность»¹⁷. Даже противники сохранения

¹³ Крюков П. И. Указ. соч., с. 83.

¹⁴ Из обращения представителей русских организаций в Париже к французскому правительству. — Общее дело, 21.IV.1921 // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 502. Л. 28.

¹⁵ Там же. Л. 30.

¹⁶ Общее дело, 31.III.1921 // Там же. Л. 17.

¹⁷ Из «Воззвания ко всем цивилизованным народам», опубликованного в Константинополе 27 марта 1921 г. Народным братством освобождения России. Цит. по: Общее дело, 30.III.1921 // Там же. Л. 43.

военизированных подразделений в составе русской эмиграции признавали, что вопрос о судьбе врангелевцев в Турции и на Лемносе являлся неотъемлемой частью общей беженской проблемы, решить которую не представлялось возможным без участия международного сообщества. Исходя из этого, они стремились убедить Лигу Наций в том, что к началу 1921 г. русские эмигрантские организации фактически полностью исчерпали собственные ресурсы для оказания помощи своим соотечественникам в изгнании, а юридический статус последних по-прежнему оставался неопределенным. «Трагическое положение несчастных русских беженцев, которые были вынуждены покинуть собственную страну в состоянии полного отчаяния, нас заставляет обратиться к Вам с просьбой о помощи, — говорилось, например, в обращении, направленном еще в ноябре 1920 г. председателю Лиги Наций бельгийцу П. Гимансу одним из руководителей старого Российского Общества Красного Креста (РОКК) графом А. А. Бобринским, — Мы прекрасно понимаем, что Лига Наций не является филантропическим учреждением, но мы взываем к Вам, как к председателю названной Лиги, воплощающей в себе лучшие чувства человечества, и особенно как к представителю народа-мученика, тысячи граждан которого в недавнем прошлом находились в таком же бедственном положении, в каком оказались наши соотечественники сегодня. Мы убеждены, что Лига Наций, участники которой знают о безнадежной ситуации беженцев, эвакуированных из Крыма в Константинополь, передаст всем входящим в нее народам нашу настоятельную просьбу. Уверенные в том, что члены организации благосклонно отнесутся к ходатайству о помощи, поддержанному высокому авторитетом Лиги Наций, мы смеем надеяться, что наш призыв будет услышан»¹⁸.

Обращая внимание на бедственный характер своего тогдашнего существования, русские эмигранты обратились к Лиге Наций с призывом взять на себя основную труд по защите их прав и материальных интересов и просили ее назначить специального представителя для общего руководства данной работой. И поскольку их инициатива была с самого начала поддержана руководством МККК во главе с его президентом Г. Адором, также заинтересованным в присоединении Лиги к урегулированию проблемы беженцев, историческая предшественница ООН в итоге согласилась возглавить деятельность международного сообщества в сфере обеспечения правовой и иной помощи двум миллионам вынужденных изгнанников из России. В июне 1921 г. Совет Лиги Наций принял решение об учреждении специальной должности Верховного Комиссара по делам русских беженцев с тем условием, что ни один россиянин не мог ее занимать¹⁹. А несколько недель спустя руководство женевской организации пригласило на этот пост всемирно известного полярного исследователя и общественного деятеля из Норвегии Ф. Нансена, который с весны 1920 г. исполнял обязанности Верховного Уполномоченного Лиги по репатриации военнопленных и сумел добиться на данном направлении весьма значительных успехов.

Включение вопроса беженцев в повестку Лиги Наций было с большим воодушевлением встречено в рядах самой эмиграции, поскольку в глазах большинства ее представителей, именно «женевская миротворица» являлась своеобразным гарантом скорого улучшения их юридического и материального положения. Еще один казачий офицер К. М. Остапенко, оказавшийся на Лемносе после эвакуации врангелевцев из Крыма, в письме к своим братьям в Галлиполи следующим образом описал общее

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф. 7067. Оп. 1. Д. 517. Л. 2 об.

¹⁹ Вместе с тем предполагалось, что ни один русский эмигрант не мог быть зачислен ни в качестве технического советника Верховного Комиссара, ни в качестве сотрудника Комиссариата по делам беженцев. Однако допускалась возможность создания при этой специализированной структуре Лиги Наций некоего совещательного органа с участием представителей различных эмигрантских организаций.

душевное состояние местных беженцев: «Самое тяжелое настроение было у нас во II пол[овине] марта ст. ст., когда французы требовали немедленного распыления, отъезда в Совдепию или Бразилию, угрожали прекратить питание с 1 апреля, насильно сажали на “Решида”²⁰ ...Теперь же мы имеем официальное заверение французов о том, что кормить они нас не бросят. Кроме того, на 16 июля н. ст... в Лиге Наций будет обсуждаться вопрос о русских беженцах, сиречь нас, и об устройстве их»²¹.

Вместе с тем известие об учреждении должности Верховного Комиссара Лиги Наций по делам русских беженцев побудило ряд наиболее влиятельных эмигрантских организаций делегировать в Женеву своих представителей с целью установления прямых контактов с этим высокопоставленным международным чиновником и сотрудниками его аппарата, Правда, принимая во внимания собственные лидерские амбиции различных политических и общественных объединений Русского Зарубежья, многие из которых изначально заявляли о себе как о единственных легитимных выразителях интересов и чаяний россиян в изгнании, вряд ли приходилось рассчитывать на то, что их пожелания и рекомендации, изложенные в штаб-квартире Лиги, в итоге окажутся тождественными²². И все же благодаря прямому общению отдельных деятелей пореволюционной эмиграции с Ф. Нансеном и его коллегами по Комиссариату у двух миллионов русских беженцев, лишившихся правовой поддержки со стороны родного государства, появилась уникальная возможность довести до сведения всего остального мира свои самые насущные требования и таким образом принять хотя бы опосредованное участие в последующем урегулировании собственного юридического статуса за границей.

Впечатления, полученные этими людьми от увиденного и услышанного на официальных заседаниях и в кулуарах Лиги Наций, в дальнейшем легли в основу того образа женевской организации, который сложился в эмигрантской среде в начале 1920-х годов. В то же время заметное влияние на формирование данного образа оказали многочисленные комментарии ведущих газет Русского Зарубежья, располагавших собственной корреспондентской сетью практически во всех уголках Европы, включая Швейцарию, и регулярно информировавших своих читателей о многих сторонах деятельности Лиги. Таким образом, беженцы из России имели возможность составить достаточно полное представление о позиции предшественницы ООН по различным политическим, гуманитарным и другим вопросам, с которой к тому же они далеко не всегда были согласны.

В частности, немало критических замечаний с их стороны звучало в адрес Лиги Наций как глобального органа по решению ключевых проблем мировой

²⁰ Один из пароходов, на котором при содействии французских оккупационных властей в Константинополе весной 1921 г. была осуществлена перевозка из Турции в Советскую Россию нескольких партий русских беженцев, пожелавших добровольно вернуться на родину.

²¹ *Остапенко К. М.* Лемносский дневник офицера Терского казачьего войска 1920–1921 гг. М., 2015, с. 127–128.

²² В конце июня 1921 г. газета «Руль» сообщала своим читателям, что накануне принятия Советом Лиги Наций решения об учреждении поста Верховного Комиссара по делам русских беженцев собственные меморандумы по этому вопросу в штаб-квартире Лиги представили Исполнительный Комитет членов Совещания Учредительного Собрания, Русский Торгово-Промышленный и Финансовый Союз, Российский Земско-Городской Комитет помощи российским гражданам за границей (РЗГК или Земгор), а также созданный П. Н. Врангелем Русский Совет. Причем, некоторые из этих эмигрантских организаций полагали наилучшим кандидатом на новообразованную должность тогдашнего делегата американского Красного Креста в Европе полковника Р. Олдса. Другие же, включая Русский Совет, «ввиду гостеприимства Сербии к русским», выступали за назначение главой Комиссариата по делам беженцев либо принца-регента (позднее короля Югославии) Александра Карагеоргиевича, либо кого-нибудь из членов югославского правительства.

политики, к числу которых, несомненно, принадлежал тогда и так называемый русский вопрос. Несмотря на то, что в первые годы пребывания на чужбине россияне-изгнанники видели именно в Лиге главного защитника своих интересов на международной арене, многие из них все же выражали серьезные сомнения в эффективности миротворческих усилий этой организации. Так, например, упомянутый выше С. С. Ольденбург в 1921 г. в одной из статей с сожалением отмечал: «Стремление санкционировать существующее положение отразилось и на решениях Лиги Наций по вопросу об окраинных государствах. Совет Лиги, в декабре 1920 г. принявший только Финляндию, в январе постановил признать Эстонию и Латвию, и сам как бы пригласил Грузию (постановив принять ее, если она того захочет); если не принята Литва, то из-за временных осложнений вокруг Виленского вопроса. По иронии судьбы, вскоре, меньше, чем через месяц после принятия в Лигу Наций, Грузия была захвачена большевиками; Совет Лиги молчаливо санкционировал и этот факт, хотя по статуту члены Лиги гарантируют друг другу неприкосновенность. Таков же был, впрочем, прецедент с Арменией. Если это оправдывается тем соображением, что Советская Россия не входит в Лигу Наций и, следовательно, ей не подчинена, из этого явствует, что Лига, в сущности, бессильна и что вступление в нее будущей России также не имело бы смысла»²³.

К очевидным недостаткам Лиги Наций русские эмигранты с самого начала относили также явное нежелание последней зачислять в штат своих сотрудников представителей Зарубежной России. Обращая внимание на это обстоятельство, эмигрантская газета «Руль» в сентябре 1921 г. писала: «Во всем Секретариате Лиги с персоналом в 300 слишком человек (из них 150 англичан) нет ни одного русского на сколько-нибудь ответственной должности. С большим трудом делаются исключения для барышень-стенографисток. Почти то же приходится сказать о Международном Бюро Труда. В отделе так наз. “Анкеты о большевизме”, изучение организации труда в Советской России поручено чехам и итальянцам, знающим русский язык. Отдел ежедневно просматривает советские газеты и по ним издает объемистые труды. Чем хуже сделали бы это русские... То же самое и в ныне организуемом Комиссариате по беженским делам. И цель и смысл Комиссариата – русские. А попробуйте предложить взять на должность 2–3 русских эмигрантов вместо португальцев и индусов, – признается “неудобным”»²⁴.

Впрочем, по мнению той же газеты, подобное положение дел сложилось вследствие собственного бесправия русских беженцев и их ничтожного статуса в других странах. «В Секретариате Л. имеются в изобилии китайцы и японцы, – продолжала она, – в Совете Л. председательствует китаец. А как же желтая опасность. Почему такое открытие карт перед монголами; ключей Европы и дипломатических пружин. Ясно, что играет роль не нынешняя или будущая опасность, а просто игнорирование русских. Мы для Европы существо без почвы, мухи в воздухе. Изгнанники, лишённые территории, но в своей диаспоре еще не накопившие миллионов, которые в глазах компании дают силу. Для них мы материал пассивный»²⁵.

Не менее критическим в начале 1920-х годов оказалось отношение значительной части пореволюционной эмиграции и к назначению Ф. Нансена на должность Верховного Комиссара Лиги Наций по делам русских беженцев. Противники этого назначения среди эмигрантов не скрывали своего разочарования тем фактом, что согласование в Женеве кандидатуры всемирно известного норвежца «произошло вне и помимо какой бы то ни было попытки выяснить точку зрения

²³ Ольденбург С. С. Указ. соч., с. 242.

²⁴ Руль, 25.IX.1921 // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 513. Л. 44–45.

²⁵ Там же. Л. 45–46.

и пожелания зарубежного русского общественного мнения»²⁶. К тому же многих из них коробила «аполитичная» позиция самого Ф. Нансена, который, приняв предложение Лиги о сотрудничестве в решении проблемы русских беженцев, одновременно согласился возглавить созданную по инициативе МККК общеевропейскую организацию помощи голодающим в Советской России и даже заключил от ее имени с властями РСФСР 27 августа 1921 г. соглашение о начале поставок из-за границы продовольствия и медикаментов в пострадавшие районы. Отдавая должное личному бескорыстию и выдающейся энергии этого человека, они тем не менее упрекали его за сотрудничество с «большевистскими рептилиями» и «красными иезуитами», а также за его желание добиться от членов Лиги Наций выделения правительству Страны Советов официальных кредитов на борьбу с голодом. Благотворитель Фридьоф Нансен вернулся из Москвы политиком, уполномоченным Лениным «на кредитную операцию с союзниками»²⁷, — иронизировал по этому поводу бывший глава Временного правительства России А. Ф. Керенский. А многие другие его собратья по эмиграции открыто призывали руководство Лиги Наций пересмотреть свое решение о назначении главой специализированного международного органа по делам беженцев человека, который считал возможным поддерживать регулярные контакты с «террористическим» большевистским режимом. «Если дело сводится к тому, чтобы создать какой-то внешний, формальный выход, показать видимость интереса и заботы, тогда не все ли равно, кто будет числиться Верховным комиссаром, — заявляла в сентябре 1921 г. газета “Руль”, — Но мы полагаем, что вопрос стоит иначе, — иначе не стоило бы и огород городить. И именно поэтому, что вопрос стоит иначе, передача его на разрешение Нансена вызывает законную тревогу»²⁸.

Более того, в среде Русского Зарубежья сложилось мнение, что активные призывы Ф. Нансена к государствам — членам Лиги Наций об оказании помощи большевикам в деле спасения миллионов голодающих в России привели к тому, что уже осенью 1921 г. вопрос о беженцах в Женеве, по выражению видного деятеля эмиграции, участника Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (Земгора) Н. И. Астрова, был «загнан... на задворки вопросом о голоде»²⁹. Искренне переживая за судьбу своей многострадальной родины, его представители тем не менее полагали безнравственным какое-либо сотрудничество стран Запада с советскими властями, на которые они возлагали основную вину за возникновение этого беспрецедентного по своим масштабам бедствия. «Для нас — вопрос о голоде, даже о помощи голодающим, есть в то же время русский вопрос во всей его совокупности, ибо мы не можем рассматривать нынешний голод лишь как стихийное бедствие, — безапелляционно утверждала в августе 1921 г. эмигрантская газета “Общее дело”. — Стихии, т.е. засухе предшествовали безумно разорительные меры преступного правительства. И сейчас тоже большевизм помогает стихии. Больше, чем Брест-Литовский мир, чем война с Польшей, чем советско-германские отношения, чем все те обстоятельства, при которых союзники занимались с Россией. Нынешний голод ставит перед нами именно громадный, столь трудный общий русский вопрос. Скрываться от него в вопросе помощи голодающим, значит прибегнуть к средству страуса»³⁰.

²⁶ Руль, 7.IX.1921 // Там же. Л. 47.

²⁷ Керенский А. Ф. Дневник политика. М., 2007, с. 133.

²⁸ Руль, 7.IX.1921 // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 513. Л. 49.

²⁹ Цит. по: Бочарова З. С. «Без оздоровления России невозможно восстановление Европы». Помощь Ф. Нансена голодающей России (1921–1922 гг.) и международное сообщество // Россия XXI, 2012, № 1, с. 119.

³⁰ Общее дело, 12.VIII.1921 // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 510. Л. 46.

Наконец, еще одним серьезным поводом для недовольства многих эмигрантов из России деятельностью Ф. Нансена на посту Верховного комиссара по делам русских беженцев стало первоначальное убеждение этого человека в том, что наилучшим решением проблемы беженцев являлась добровольная репатриация вынужденных изгнанников из России. По словам современного отечественного исследователя З. С. Бочаровой, «расселение по странам, которые могли бы приютить русских беженцев, требовало средств, которых у Нансена не было, а для правительств стран-реципиентов это означало бы втянуться в, возможно, бесконечные финансовые вливания в беженцев и материальные затраты»³¹. Однако большинство самих эмигрантов, мечтавших о возвращении на родину, тем не менее считали небезопасной свою репатриацию в Советское государство. В частности, в одном из меморандумов, отправленных ими в Лигу Наций в 1923 г., в данной связи говорилось следующее: «С самого начала своей деятельности Верховный Комиссар объявил, что материальная помощь беженцам не входит в его задачу и этим сразу направил свою работу вразрез с требованиями, вытекающими из тяжелой беспримерной обстановки миллионного русского беженства. Фактически жизнь неоднократно заставляла и самого Верховного Комиссара, и в особенности его местные органы, нарушить это неправильное, принятое им принципиальное решение. Главной задачей Верховного Комиссара явилось содействие репатриации. В возвращении на родину Верховный Комиссар усмотрел лучший способ решения беженской проблемы и неизбежно совершенно разошелся со всем русским беженством, т.е. теми, оберегать интересы которых он призван был Лигой Наций. Всякий русский беженец непрестанно думает о том, как бы ему вернуться на родину, но он мечтает о возвращении на родину, свободную от коммунистического ига. Пока Россия во власти III Интернационала, разрушающего Россию, репатриация для русских патриотов немислима»³².

Наряду с этим в начале 1920-х годов русская эмиграция нередко упрекала Ф. Нансена и сотрудников его Комиссариата в том, что в большинстве случаев их деятельность в сфере решения проблемы беженцев, включая в целом неудачные попытки организовать массовую репатриацию беженцев в Страну Советов, осуществлялась практически без каких-либо консультаций с различными политическими и общественными учреждениями самой Зарубежной России. Хотя подобное положение вещей, в глазах эмигрантов, являлось «абсолютно противостественным» и заметно снижало эффективность всей работы Лиги Наций на указанном направлении. «Общее отношение представителей Верховного Комиссара к русским организациям, как в Женеве, так и на местах продолжает быть по-прежнему ненормальным, — докладывал весной 1922 г. своим коллегам по Земгору находившийся тогда в Швейцарии Н. И. Астров. — Представителей русских организаций игнорируют или в лучшем случае только терпят, давая понять, что без них знают, что нужно и без них обойдутся... Между тем изменение этих отношений и оживление их могло бы принести большую пользу делу. Положение стало бы значительно лучше, если бы помощник Верховного Комиссара по отдельным вопросам приглашал бы представителей русских организаций на совещания, спрашивал бы у них материалы и заключения. В совместной работе отношения бы стали чисто деловыми и было бы устранено много вредных недоразумений и предубеждений»³³.

³¹ Бочарова З. С. Н. И. Астров и Верховный комиссариат по делам русских беженцев Лиги Наций // Московский университет и судьбы российской интеллигенции. Материалы международной конференции. М., 2004, с. 184.

³² Из Меморандума Русского Национального Комитета Лиге Наций от 8 сентября 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 21. Л. 41.

³³ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 415. Оп. 1. П. 4. Д. 18. Л. 29.

Со временем, принимая во внимание весьма критическую позицию советского руководства в отношении озвученных Ф. Нансеном планов массового возвращения на родину так называемых белоэмигрантов, а также упорное нежелание большевиков предоставить своим бывшим соотечественникам официальные гарантии безопасности на собственной территории, сам глава службы беженцев Лиги Наций пришел к убеждению о невозможности скорой реализации идеи репатриации. Это отчасти примирило его с русской эмиграцией. Тем более что во многом благодаря личным усилиям Ф. Нансена в июле 1922 г. на специально созванной в Женеве международной конференции был утвержден стандарт особых удостоверений личности для апатридов из России, получивших название нансеновских паспортов³⁴ и явившихся, по выражению известной американской журналистки середины XX в. Д. Томпсон, «самым грандиозным событием в жизни каждого рядового беженца»³⁵.

Разумеется, учреждение таких документов не привело к моментальному решению всех насущных проблем русских эмигрантов. Кроме того, нансеновские паспорта не гарантировали своим обладателям реализации в полном объеме тех же социально-экономических и политических прав, которыми пользовались граждане других государств, а также не устраняли огромных трудностей в получении виз и разрешений на работу. Но даже при наличии некоторых недостатков они все равно способствовали значительному улучшению положения представителей Русского Зарубежья, поскольку обеспечили тем легальное право на проживание и трудоустройство в различных уголках земного шара и возможность беспрепятственного переезда из одной страны в другую³⁶. За это выходцы из России, покинувшие родину в первые пореволюционные годы, были чрезвычайно благодарны Ф. Нансену. Как вспоминала впоследствии дочь и биограф норвежского ученого и гуманиста Л. Нансен-Хейер, даже спустя несколько десятилетий после смерти Верховного комиссара Лиги Наций по беженским делам ей приходилось неоднократно слышать от эмигрантов из России слова благодарности в адрес ее отца, которого они вполне заслуженно называли своим «спасителем»³⁷.

* * *

Таким образом, можно сделать вывод, что в начале 1920-х годов в среде Русского Зарубежья сложилось весьма неоднозначное отношение к Лиге Наций, основанное не только на позитивных оценках отдельных аспектов функционирования данной международной организации, но и на признании эмигрантами существования серьезных проблем в ее деятельности как на политическом, так и на гуманитарном направлениях. Причем, критическое восприятие этими людьми некоторых усилий Лиги, нацеленных на решение крайне чувствительного для них самих вопроса беженцев, нередко являлось определяющим фактором при формировании образа главного «детища Версаля» в коллективном эмигрантском сознании. Практически полное отсутствие россиян в штате сотрудников новообразованной Лиги Наций, назначение «друга большевиков» Ф. Нансена на должность Верховного Комиссара по делам русских беженцев вопреки желанию основной массы эмигрантов, а также изначальная поддержка последним планов по организации

³⁴ Незадолго до этого события, весной 1922 г., Ф. Нансен создал при возглавляемом им комиссариате Совещательный комитет, в который вошли делегаты от 16 частных благотворительных организаций, занимавшихся помощью русским беженцам.

³⁵ *Thompson L. Refugees, Anarchy or Organization?* New York, 1938, p. 28.

³⁶ К концу 1922 г. нансеновские паспорта были легитимированы правительствами 20 различных государств, а к началу 1930-х годов эти удостоверения личности признавались властями уже 51 страны.

³⁷ *Нансен-Хейер Л.* Книга об отце. Л., 1971, с. 368.

добровольной репатриации противников большевистского режима в Страну Советов, несомненно, оказали существенное влияние на их тогдашние взгляды. Однако, несмотря на некоторую критику, звучавшую из рядов пореволюционной эмиграции в адрес первого международного органа безопасности, многие из ее представителей все же искренне полагали, что в указанный период физическое выживание двухмиллионной Зарубежной России являлось невозможным без политического и правового содействия этому процессу со стороны Лиги Наций.

Библиография

Бочарова З. С. «Без оздоровления России невозможно восстановление Европы». Помощь Ф. Нансена голодающей России (1921–1922 гг.) и международное сообщество // Россия XXI, 2012, № 1, с. 110–129.

Бочарова З. С. Н. И. Астров и Верховный комиссариат по делам русских беженцев Лиги Наций // Московский университет и судьбы российской интеллигенции. Материалы международной конференции. М., 2004, с. 179–186.

Волконская С. А. Горе побежденным. *Vae victis*. Воспоминания. М., 2017.

Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923.

Зайцев К. И. Буржуазная Европа и Советская Россия // Русская мысль, 1921, № 5–7, с. 115–130.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005.

Керенский А. Ф. Дневник политика. М., 2007.

Крюков П. И. Казаки в Чаталадже и на Лемносе в 1920–1921 гг. Белград, 1924.

Нансен-Хейер Л. Книга об отце. Л., 1971.

Ольденбург С. С. Русские дела (Политический обзор) // Русская мысль, 1921, № 5–7, с. 225–244.

Остапенко К. М. Лемносский дневник офицера Терского казачьего войска 1920–1921 гг. М., 2015.

Thompson D. Refugees, Anarchy or Organization? New York, 1938.

References

Bocharova Z. S. «Bez ozdorovleniia Rossii nevozmozhno vosstanovlenie Evropy». Pomoshch' F. Nansena golodaiushchei Rossii (1921–1922 gg.) i mezhdunarodnoe soobshchestvo ["Without the recovery of Russia, the restoration of Europe is impossible." Help F. Nansen starving Russia (1921–1922) and the international community] // Rossiia XXI [Russia XXI], 2012, № 1, p. 110–129. (In Russ.)

Bocharova Z. S. N. I. Astrov i Verkhovnyi komissariat po delam russkikh bezhentsev Ligi Natsii [N. I. Astrov and the High Commissioner for Russian Refugees of the League of Nations] // Moskovskii universitet i sud'by rossiiskoi intelligentsii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii [Moscow University and the fate of the Russian intelligentsia. Materials of the international conference]. Moskva, 2004, p. 179–186. (In Russ.)

Davatz V. Kh., Lvov N. N. Russkaia armiiia na chuzhbine [Russian army in a foreign land]. Belgrad, 1923. (In Russ.)

Jovanovic M. Russkaia emigratsiia na Balkanakh: 1920–1940 [Russian emigration to the Balkans: 1920–1940]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Kerensky A. F. Dnevnik politika [Diary of a politician]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Kryukov P. I. Kazaki v Chataladzhe i na Lemnose v 1920–1921 gg. [Cossacks in Chatalaj and on Lemnos in 1920–1921]. Belgrad, 1924. (In Russ.)

Nansen-Heyer L. Kniga ob ottse [Book of the Father]. Leningrad, 1971. (In Russ.)

Oldenburg S. S. Russkie dela (Politicheskii obzor) [Russian affairs (Political review)] // Russkaia mysl' [Russian Thought], 1921, №. 5–7, p. 225–244. (In Russ.)

Ostapenko K. M. Lemnoskii dnevnik ofitsera Terskogo kazach'ego voiska 1920–1921 gg. [Lemnos diary of an officer of the Tersky Cossack army 1920–1921]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Volkonskaya S. A. Gore pobezhdennym. *Vae victis*. Vospominaniia [Woe to the vanquished. *Vae victis*. Memories]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Zaitsev K. I. Burzhuaznaia Evropa i Sovetskaia Rossiia [Bourgeois Europe and Soviet Russia] // Russkaia mysl' [Russian Thought], 1921, № 5–7, p. 115–130. (In Russ.)

Thompson D. Refugees, Anarchy or Organization? New York, 1938.